АДМИРАЛЪ Ѳ. Ѳ. УШАКОВЪ

ВЪ

СРЕДИЗЕМНОМЪ МОРѢ

1799 г.

В. П. ИЛЬИНСКІЙ

925.122
KF 2388

АДМИРАЛЪ Ѳ. Ѳ. УШАКОВЪ
(1745—1817 г.г.).

Изданіе Комиссіи по завѣдыванію капиталомъ имени графа С. А. Строганова.

В. П. Ильинскій

АДМИРАЛЪ Ѳ. Ѳ. УШАКОВЪ

ВЪ

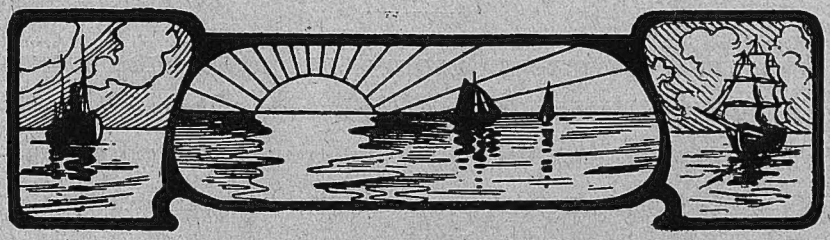
СРЕДИЗЕМНОМЪ МОРѢ

(1799 г.)

Удостоено преміи имени графа С. А. Строганова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13



1799 годъ принадлежитъ къ числу тѣхъ достопамятныхъ эпохъ отечественной исторіи, которыми Россія въ правѣ гордиться. Это годъ славный и для русскаго оружія, и для русской дипломатіи. Императоръ Павелъ I сталъ во главѣ грознаго союза, ополчившагося противъ республики французской. Судьба цѣлой Европы, можно сказать, рѣшалась въ кабинетѣ Россійскаго Монарха.

Такъ начинаетъ предисловіе къ своей «Исторіи войны Россіи съ Франціей въ 1799 году» генералъ-фельдмаршалъ Д. А. Милютинъ. А въ заключеніи своего труда, въ которомъ онъ съ особою любовью и подробностями изображаетъ дѣйствія знаменитаго фельдмаршала Суворова, военный историкъ замѣчаетъ, что славные подвиги Суворова въ эту войну, льстя нашей народной гордости, сильнѣе всего привлекали къ себѣ вниманіе современниковъ и воспоминанія послѣдующихъ поколѣній.

За блескомъ ихъ «забываютъ», говоритъ Д. А. Милютинъ, «замѣчательные успѣхи русскаго флота въ Средиземномъ морѣ, подъ предводительствомъ адмирала Уша-

кова; даже извѣстно ли многимъ изъ соотечественниковъ нашихъ, что русскіе были въ Неаполѣ и Римѣ. Все вниманіе сосредоточивается на итальянской кампаніи Суворова и на безпримѣрномъ его походѣ швейцарскомъ».

Императоръ Павелъ I.

Безпристрастный историкъ, обозрѣвая участіе Россіи въ Европейской войнѣ 1799 года, воздаетъ должное и нашему доблестному флоту.

Обстоятельства этого времени были таковы.

Конецъ XVIII столѣтія ознаменовался неожиданными военными успѣхами Франціи. Со сказочной быстротой пронеслись по лицу Европы побѣдныя французскія арміи. Онѣ перекроили ея политическую карту, уничтожая одни государства и создавая на мѣсто ихъ новыя. Въ короткое время французами были заняты Голландія, нынѣшняя Бельгія, Швейцарія, Италія, отняты отъ Венеціи Іоническіе острова на восточномъ побережьѣ Адріатическаго моря, заняты Албанскій берегъ, островъ Мальта, Египетъ, подчинена своему вліянію Испанія.

Генералъ Бонапартъ.

Европа была приведена въ большое смущеніе, главнымъ образомъ, быстротой и стремительностью этихъ завоеваній. Она привыкла до сихъ поръ къ войнѣ медлительной, къ продолжительнымъ и нерѣшительнымъ осадамъ, къ передвиженіямъ громадныхъ массъ войскъ съ ихъ безконечными обозами. Между тѣмъ французы, подъ предводительствомъ молодого генерала Бонапарта [1]), перелетали съ мѣста на мѣсто легкими, подвижными арміями, безъ излишнихъ обозовъ, и наносили ударъ за ударомъ малоподвижному противнику.

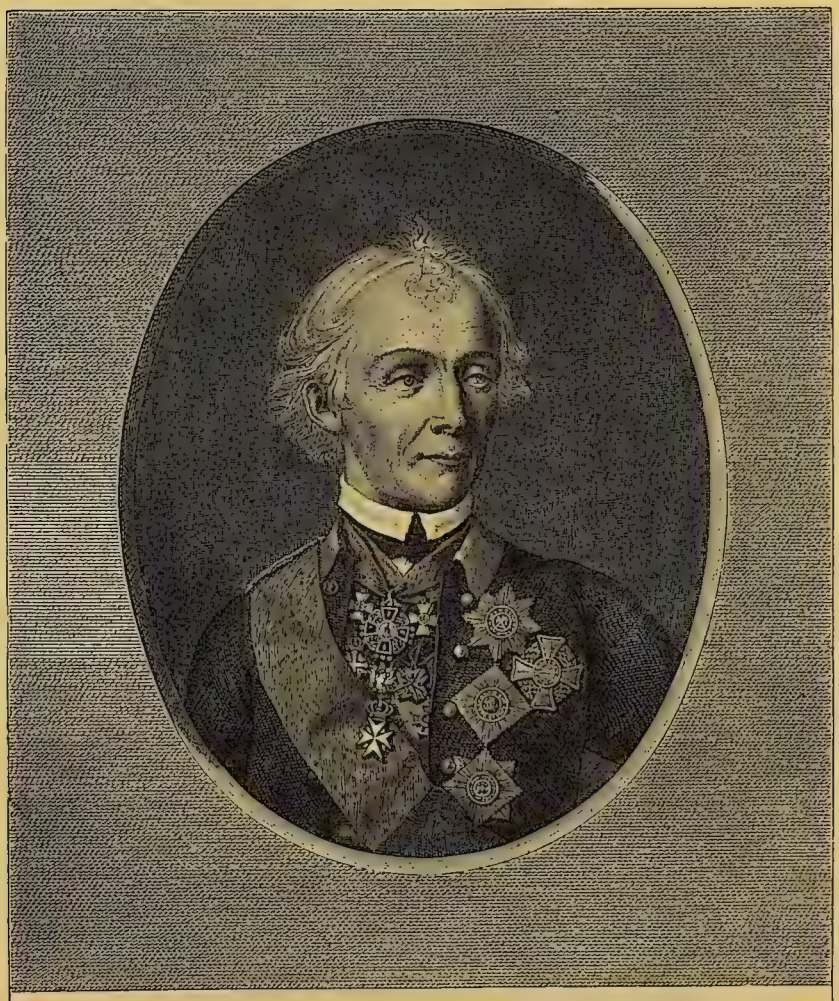
[1]) Впослѣдствіи Наполеонъ I, императоръ Франціи.

Новый способъ войны ошеломилъ европейскихъ стратеговъ. Сознавая необходимость дать отпоръ неудержимому шествію новыхъ завоевателей, они въ то же самое время чувствовали себя неподготовленными къ этому. Противъ Франціи составился союзъ государствъ Англіи, Австріи и Турціи, но союзники дѣйствовали нерѣшительно и нуждались въ поддержкѣ.

Императоръ Павелъ прозрѣвалъ въ побѣдоносномъ шествіи французовъ опасность не только для сосѣднихъ съ ними государствъ, но и для далекой Россіи. Опасность эта грозила изъ Средиземнаго моря, когда туда вступилъ французскій флотъ. Французы могли заключить союзъ съ турками, нашими вѣковыми противниками на Ближнемъ Востокѣ; такой союзъ угрожалъ бы нашимъ, только что отвоеваннымъ отъ Турціи, владѣніямъ на берегахъ Чернаго моря. Нужно было предупредить этотъ союзъ и возможность появленія французскаго флота въ Черномъ морѣ.

Кромѣ того, Павелъ I считалъ Россію и себя оскорбленными тѣмъ, что французы заняли островъ Мальту на Средиземномъ морѣ. Островъ этотъ составлялъ владѣніе рыцарскаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и находился подъ особымъ покровительствомъ русскаго императора.

Унаслѣдованное Россіей отъ исторіи покровительство православнымъ христіанамъ на Востокѣ также побуждало Павла I подать руку помощи православному населенію завоеванныхъ французами Іоническихъ острововъ.



СУВОРОВЪ

Гравировалъ Н. Уткинъ съ портрета писаннаго Шмитомъ живописцемъ Курфирота Саксонскаго.

Въ силу всѣхъ этихъ побужденій императоръ Павелъ рѣшилъ присоединиться къ государствамъ, объявившимъ войну Франціи.

Русская военная сила явилась въ этомъ союзѣ тѣмъ воодушевляющимъ началомъ, которое во многихъ случаяхъ достигаетъ большихъ успѣховъ, чѣмъ численность армій и внѣшняя сила войска.

По плану совмѣстныхъ дѣйствій союза, Россіей была послана въ Сѣверную Италію 60-тысячная армія подъ начальствомъ фельдмаршала Суворова. Отъ его прославленныхъ уже «глазомѣра, быстроты и натиска» ожидали [1]) достойнаго отвѣта подобному ему противнику. Надежды эти оправдались. Суворовъ увѣнчалъ свою славу новыми побѣдами надъ врагомъ, считавшимся дотолѣ Европою непобѣдимымъ. Его стремительному шествію Суворовъ далъ надлежащій отпоръ.

Для дѣйствія, совмѣстно съ турецкимъ флотомъ, противъ французовъ по южнымъ побережьямъ Европы и на Средиземномъ морѣ была отправлена черноморская эскадра, подъ командою вице-адмирала Ушакова [2]).

---

[1]) О назначеніи Суворова главнокомандующимъ русско-австрійской арміей просилъ Павла I самъ австрійскій императоръ Францъ II.

[2]) Адмиралъ Ѳ. Ѳ. Ушаковъ, славный русскій флотоводецъ, преобразовавшій въ концѣ царствованія Екатерины II и умноживший черноморскій флотъ. Имъ было одержано нѣсколько выдающихся побѣдъ надъ турками. Послѣдніе называли его «Ушакъ-пашей» и вокругъ этого имени создавали легенды. Блестящія побѣды Ушакова въ Керченскомъ проливѣ, около нынѣшней Одессы (прежній Гаджибей) въ 1790 г. и у мыса Кали-Акри въ 1791 г. навели паническій страхъ на турокъ. Этими побѣдами Черное море было очищено отъ турецкаго флота, и въ его водахъ утверждено господство русскаго флага.

Нынѣшніе: Босфоръ (отъ входа въ Черное море) и Константинопольскій проливъ. На границѣ между ними, въ расширенной части пролива, Буюкъ-дере, военный портъ, въ 15 вер. отъ столицы по сухому пути.

«Карта Восфоровъ Фракійскихъ или Пролива, что при Цареградѣ, со всѣми для обороны онаго построенными укрѣпленіями».

(Составлена во время плаванія эскадры адм. Ушакова).

Ушакову, при его отправленіи, была намѣчена, кромѣ содѣйствія фельдмаршалу Суворову въ его операціяхъ на сѣверѣ Италіи, такая программа: 1) освобожденіе Іоническихъ острововъ; 2) изгнаніе французовъ изъ Южной Италіи и возстановленіе тамъ королевской власти; 3) освобожденіе Мальты и содѣйствіе англичанамъ въ борьбѣ ихъ съ французами въ Египтѣ.

Выйдя изъ Севастополя, Ушаковъ 25-го августа 1798 г. бросилъ якорь въ Буюкъ-дере, военномъ портѣ близъ Константинополя.

Съ нетерпѣніемъ ожидали турки прихода страшнаго «Ушакъ-паши» и встрѣтили его съ большимъ почетомъ. Безчисленное множество народа покрывало оба берега узкаго Босфора, когда проходилъ по нему русскій, нынѣ союзный, флотъ, возбуждавшій жуткое любопытство турокъ по своимъ недавнимъ побѣдамъ надъ ихъ флотомъ. Самъ султанъ не могъ удержаться отъ общаго желанія поближе разсмотрѣть своего счастливаго противника. Говорятъ, что вечеромъ того же дня, когда прибыла русская эскадра, онъ, переодѣтый въ простое платье, чтобы не быть узнаннымъ, объѣхалъ на лодкѣ русскія суда.

Султанъ оказалъ Ушакову знаки особаго благоволенія. Онъ подарилъ ему золотую, осыпанную брилліантами, табакерку и прислалъ для раздачи нижнимъ чинамъ 2000 червонцевъ. Адмиралу все показывали, во всемъ спрашивали его мнѣнія, исполняли и предупреждали его желанія.

Присоединяемый къ эскадрѣ турецкій флотъ, подъ командой адмирала Кадыръ-бея, поступалъ подъ начальство Ушакова, и турецкому адмиралу было приказано

Стоянка черноморской эскадры, подъ начальствомъ адмирала Ушакова, въ Буюкъ-дере.

(Съ литогр. начала XIX в., хранящейся въ Морскомъ музеѣ).

«почитать нашего вице-адмирала, яко учителя», какъ доносилъ государю нашъ посланникъ въ Турціи.

Султанъ обязался отпускать на содержаніе русской эскадры по 600,000 піастровъ въ годъ и снабжать ее десантными войсками для береговыхъ дѣйствій.

Неготовность турецкой эскадры и неблагопріятныя погоды задержали Ушакова въ Царьградѣ болѣе двухъ недѣль. Наконецъ, не дождавшись неисправнаго союзника, 8-го сентября русская эскадра вышла. У выхода изъ Дарданеллъ суда Кадыръ-бея присоединились къ Ушакову 20-го сентября, и союзники немедленно приступили къ выполненію своей задачи. Черезъ восемь дней, 28-го сентября, Ушаковъ стоялъ уже съ флотомъ въ виду занятаго французами острова Цериго, у южной оконечности нынѣшней Греціи.

Адмиралъ установилъ такой порядокъ своихъ дѣйствій. Для взятія крѣпостей, занятыхъ французами на островахъ, онъ высылалъ небольшіе отряды судовъ, поручая ихъ подчиненнымъ ему командирамъ, чѣмъ давалъ случай послѣднимъ отличиться и проявить свои способности. Самъ же съ остальнымъ флотомъ приходилъ на помощь въ томъ случаѣ, если, при осадѣ крѣпостей, встрѣчалось болѣе значительное сопротивленіе.

На первыхъ же порахъ выяснилось, что иго новыхъ завоевателей-французовъ съ трудомъ переносилось покоренными народами, и они ожидали только случая къ его сверженію.

Появленіе русскихъ и ихъ энергичныя дѣйствія воодушевляли жителей, и они также поднимали оружіе противъ своихъ поработителей.

Быстро были взяты крѣпости на островахъ Цериго и Занте отрядомъ подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Шостака (31-го сентября и 14-го октября).

Населеніе съ восторгомъ принимало русскихъ. Когда подходъ судовъ къ берегу затруднялся камнями и мелями, жители кидались къ нашимъ лодкамъ и переносили людей на себѣ. Ушаковъ вышелъ на берегъ, и ему усыпали цвѣтами путь. Жители благословляли имя Царя-Освободителя. На крышахъ домовъ и въ окнахъ развѣвались русскіе флаги.

Маякъ временъ Ушакова на островѣ Занте.

Рыцарски справедливый, Ушаковъ старался перенести эту благодарность и на своихъ союзниковъ. Онъ самъ относился съ самымъ любезнымъ вниманіемъ къ турецкому адмиралу, совѣтовался съ нимъ въ предпріятіяхъ и жителей побуждалъ оказывать возможный почетъ туркамъ.

Императоръ Павелъ былъ очень доволенъ успѣшнымъ началомъ военныхъ дѣйствій. Послѣ взятія Цериго онъ щедро наградилъ участвовавшихъ въ дѣлѣ, начиная съ самого адмирала, а султанъ подарилъ послѣднему другую драгоцѣнную табакерку.

Занятіе острова Кефалоніи было поручено отряду капитана Поскочина. 15-го октября нашъ флотъ появился предъ островомъ. Жители Кефалоніи единодушно под-

нялись на французовъ, и гарнизонъ крѣпости бѣжалъ съ острова, бросивъ даже орудія на батареяхъ.

Слѣдующимъ на очереди лежалъ островъ Санта-Мавра. На немъ была сильная крѣпость, окруженная съ двухъ сторонъ моремъ, а съ остальныхъ—широкими и глубокими рвами, что крайне затрудняло доступъ къ ней, какъ

Видъ на остр. Кефалонію.

со стороны моря, такъ и съ суши. Гарнизонъ крѣпости былъ небольшой, но заявилъ о своемъ намѣреніи защищать ее до послѣдней крайности. Для завладѣнія этой болѣе значительной крѣпостью Ушаковъ выбралъ капитана 1-го ранга Сенявина [1]), отрядивъ его съ 4-мя судами (два корабля и два фрегата—русскихъ и турецкихъ).

---

[1]) Впослѣдствіи адмиралъ Д. Н. Сенявинъ, не менѣе славный, послѣ адмирала Ушакова, главнокомандующій русскаго флота въ Средиземномъ морѣ, дѣйствовавшаго противъ Франціи уже при императорѣ Александрѣ I.

Ушаковъ не всегда ладилъ съ Сенявинымъ, но высоко цѣнилъ его выдающіяся способности, какъ надежнаго офицера, и выборъ командира для болѣе трудной экспедиціи былъ вполнѣ удаченъ.

18-го октября Сенявинъ высадилъ на берегъ 484 человѣка русскихъ и турокъ съ 6-ю орудіями, построилъ батареи и открылъ огонь. Послѣ трехъ-дневной канонады Сенявинъ потребовалъ безусловной сдачи крѣпости, но получилъ отказъ. Тогда Сенявинъ усилилъ десантъ еще четырьмя орудіями и двумя стами человѣкъ. Когда пальба по крѣпости была усилена, французы вступили въ переговоры, прося о смягченіи условій. Сенявинъ настаивалъ на предложенной имъ капитуляціи.

Д. Н. Сенявинъ.

1-го ноября къ острову прибылъ самъ главнокомандующій. Осмотрѣвъ устроенныя Сенявинымъ батареи и найдя ихъ превосходными, Ушаковъ приказалъ готовиться къ рѣшительному штурму, предупредивъ коменданта крѣпости о безполезности дальнѣйшей обороны. Онъ убѣждалъ осажденныхъ согласиться на всѣ требованія Сенявина, угрожая, что, въ противномъ случаѣ, ни одному французу не будетъ пощады. Не успѣло это

письмо дойти до осажденныхъ, какъ въ тотъ же день вечеромъ къ Сенявину явились парламентеры съ согласіемъ коменданта на предложенныя условія сдачи.

Условія капитуляціи не были позорны для побѣжденныхъ и были славны для побѣдителей:

1) «Крѣпость Санта-Мавра сдается флота его императорскаго величества императора всероссійскаго капитану 1-го ранга и кавалеру Сенявину въ томъ состояніи, въ какомъ она нынѣ находится, со всѣми пушками, аммуниціей, провіантомъ и прочимъ».

2) «Гарнизонъ выйдетъ съ воинскими почестями 5-го числа сего мѣсяца и во ста саженяхъ отъ глазиса положитъ оружіе предъ фронтомъ побѣдителей. Офицеры сохранятъ свои шпаги».

3) «Гарнизонъ сдается военно-плѣннымъ и будетъ возвращенъ при первомъ размѣнѣ плѣнныхъ между Россійской Имперіей и французскимъ правительствомъ. Ему будетъ дозволено взять съ собою свое собственное имущество, для перевоза коего будутъ доставлены способы».

4) «Съ вышеупомянутымъ гарнизономъ поступаемо будетъ человѣколюбиво, и въ плѣну оный содержанъ будетъ безъ утѣсненія».

Французы, въ числѣ 512 человѣкъ, положили оружіе и дали слово одинъ годъ и одинъ день не сражаться противъ Россіи. Въ крѣпости было взято 59 орудій и много всякаго воинскаго припаса. Наши потери состояли лишь изъ 12-ти убитыхъ и раненыхъ.

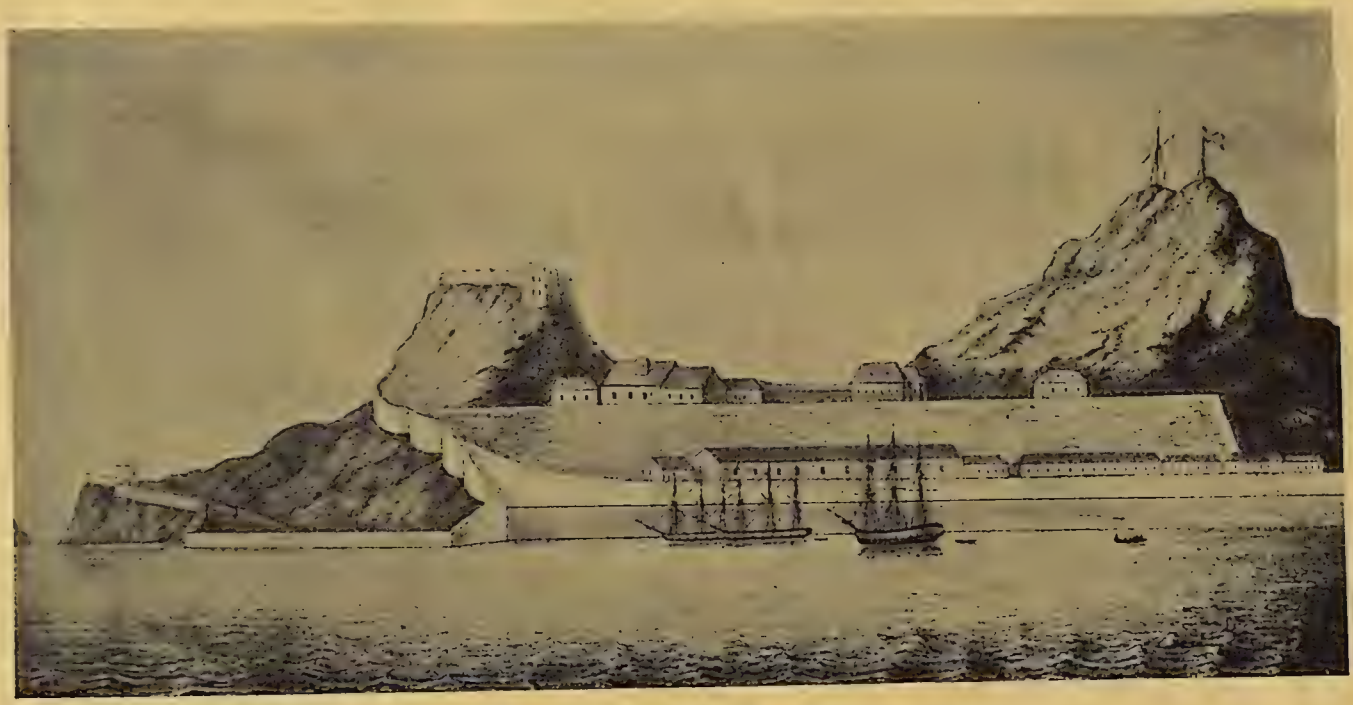
На Іоническихъ островахъ оставалось еще занять крѣпость на островѣ Корфу. Она считалась, по своему положенію, совершенно неприступной, и никто еще не

бралъ Корфу силою оружія. Крѣпость была занята значительнымъ гарнизономъ (3000 человѣкъ), вооружена 650-ю орудіями разныхъ калибровъ и снабжена военными припасами и провіантомъ на шесть мѣсяцевъ. 8-го ноября Ушаковъ приступилъ къ осадѣ Корфу.

Маякъ временъ Ушакова на остр. Санта-Мавра.

Положеніе русскаго адмирала, послѣ цѣлаго ряда сраженій съ непріятелемъ, вдали отъ своихъ портовъ, было незавиднымъ. Снабженіе судовъ и командъ требовало обновленія. Наступившая холодная, дождливая погода усилила заболѣванія и смертность. Помощь союзниковъ-турокъ была ненадежная. По донесенію Ушакова императору Павлу, турецкіе корабли не отличались поворотливостью, и ихъ пришлось держать на второй линіи. Между тѣмъ для осады сильной крѣпости требовались большія осадныя средства.

Обѣщанная султаномъ субсидія деньгами и десантными войсками поступала неаккуратно. Только къ началу февраля 1799 года, дѣйствуя угрозами, обѣщаніями и подарками, удалось собрать до 4000 албанцевъ для десанта. Но и тѣ приходили безъ снаряженія, безъ продовольствія и денегъ. Они требовали отъ Ушакова хлѣба и патроновъ, грабили окрестныя селенія, худо исполняли приказанія. «Недостатки наши, — писалъ самъ Ушаковъ, — во всемъ были безпредѣльны». Только



Крѣпость на островѣ Корфу въ концѣ XVIII столѣтія.

въ твердости и талантѣ адмирала была опора для успѣха осады.

Въ ожиданіи подкрѣпленій прошло три мѣсяца, и какъ только пришли изъ Севастополя два корабля [1]), Ушаковъ рѣшительно повелъ осаду. 18-го февраля суда, по точно опредѣленному плану, размѣстились вокругъ укрѣпленій Корфу и открыли пальбу. Осада велась столь энергично, что, несмотря на сильное сопротивленіе французовъ, крѣпость 19-го сдалась на капитуляцію. Было взято въ плѣнъ 2931 человѣкъ, 636 орудій съ большимъ боевымъ запасомъ и множество разной провизіи.

Взятіемъ Корфу адмиралъ Ушаковъ закончилъ первую часть поставленной ему задачи—освободилъ отъ французовъ Іоническіе острова, образовавъ у нихъ временное правленіе изъ мѣстныхъ жителей. Императоръ Павелъ наградилъ Ушакова чиномъ адмирала, а турецкому адмиралу прислалъ табакерку съ брилліантами. Въ свою очередь, султанъ наградилъ Ушакова брилліантовымъ перомъ (челенгъ) на головной уборъ, еще табакеркою съ брилліантами, 1000-ю червонцевъ и собольей шубой. Для раздачи командѣ султанъ прислалъ 3500 червонныхъ.

Теперь Ушаковъ долженъ былъ перейти къ выполненію второй своей задачи—очистить отъ французовъ Южную Италію, составлявшую Неаполитанское королевство.

---

[1]) Подъ начальствомъ контръ-адмирала Пустошкина, Павла Васильевича (умеръ въ 1828 году въ чинѣ вице-адмирала). П. В. былъ опытный администраторъ и хорошій флотоводецъ; награждался въ 1789 году за успѣшную постройку 27 военныхъ судовъ, имѣлъ боевыя отличія.

Послѣднее представляло въ то время печальную картину. Страна была покорена, и столица ея занята французами. Король удалился на островъ Сицилію. Часть населенія, обнадеженная обѣщаніями французскаго главнокомандующаго, человѣка великодушнаго и благороднаго, дать завоеванной странѣ большія права и выгоды новаго государственнаго устройства, малодушно перешла на сторону французовъ. Другая часть осталась вѣрной королю.

Турецкій адмиралъ (слѣва) въ парадной шубѣ.

Прибывшіе изъ Франціи, для управленія страною, комиссары не считались съ данными обѣщаніями и обложили населеніе непомѣрными налогами. Между комиссарами и главнокомандующимъ вышла междоусобная распря, окончившаяся смѣной послѣдняго. Это внесло еще большую сумятицу въ среду населенія. Сторонники французовъ нападали на сторонниковъ короля; сосѣдніе города воевали между собою; нерѣдко родные братья сражались другъ противъ друга.

Въ этомъ же междоусобіи, какъ всегда бываетъ, вы-

ступили тѣ подонки населенія, для которыхъ безразлично было иго иноземцевъ и благо родины, и которые желали только воспользоваться смутой для безчинствъ, грабежа и насилія.

Начавшаяся междоусобная война сопровождалась изступленной жестокостью, доходившей до звѣрскихъ злодѣяній [1]). Дошедшее до предѣловъ человѣческаго терпѣнія ожесточеніе ужаснуло самихъ враждующихъ и все чаще и чаще обращало мысль людей, сохранившихъ любовь къ родинѣ, на освобожденіе ея отъ французовъ. Партія сторонниковъ короля усиливалась, но не всѣ еще рѣшались заявить объ этомъ открыто.

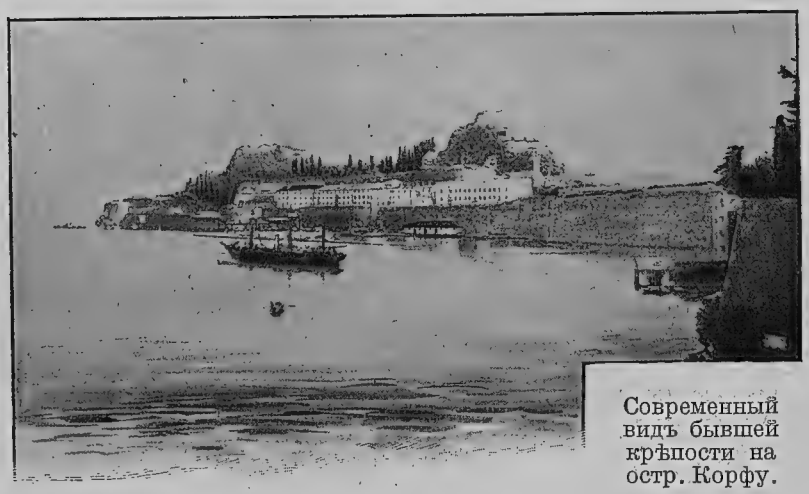
Между тѣмъ среди ужасовъ междоусобной войны и всеобщаго упадка духа издали доносились добрые слухи о побѣдахъ на Іоническихъ островахъ идущаго на освобожденіе Италіи союзнаго флота, о великодушіи, дисциплинѣ и кротости русскихъ [2]). Слухи, столь отрадные,

---

[1]) Изъ числа предводителей отдѣльныхъ партій прославился предъ всѣми прочими своимъ неслыханнымъ звѣрствомъ нѣкій Гаэтано Маммоне, о которомъ современники утверждаютъ, что онъ находилъ забаву въ мученіяхъ своихъ жертвъ и съ наслажденіемъ пилъ изъ черепа человѣческую кровь.

[2]) Турецкій флотъ въ общемъ охотно подчинялся начальству русскихъ. Одно туркамъ не нравилось—великодушное обращеніе съ плѣнными. Когда Ушаковъ взялъ первыхъ плѣнныхъ на островѣ Цериго и обѣщалъ отпустить ихъ на родину на условіи, что они дадутъ слово не сражаться въ теченіе года противъ Россіи, Кадыръ-бей просилъ Ушакова позволить ему употребить противъ плѣнныхъ военную хитрость. «Какую же?»—спросилъ Ушаковъ.—«По обѣщанію вашему»,—наивно объяснилъ свой планъ турокъ,—«французы надѣются отправиться въ отечество и лежать спокойно въ нашемъ лагерѣ. Позвольте мнѣ подойти къ нимъ ночью тихо и вырѣзать ихъ». Къ крайнему удивленію турецкаго адмирала, ему было въ этомъ отказано.

поднимали надежды изстрадавшагося народа на лучшее. Къ Ушакову начали прибывать депутаты отъ южныхъ итальянскихъ городовъ съ просьбами о помощи. Самъ неаполитанскій король Фердинандъ IV, потерявъ надежду получить помощь отъ родственнаго ему австрійскаго императора, возложилъ единственную надежду на приближающуюся русскую эскадру. Король обратился съ просьбою къ адмиралу Ушакову, чтобы онъ прислалъ на бе-

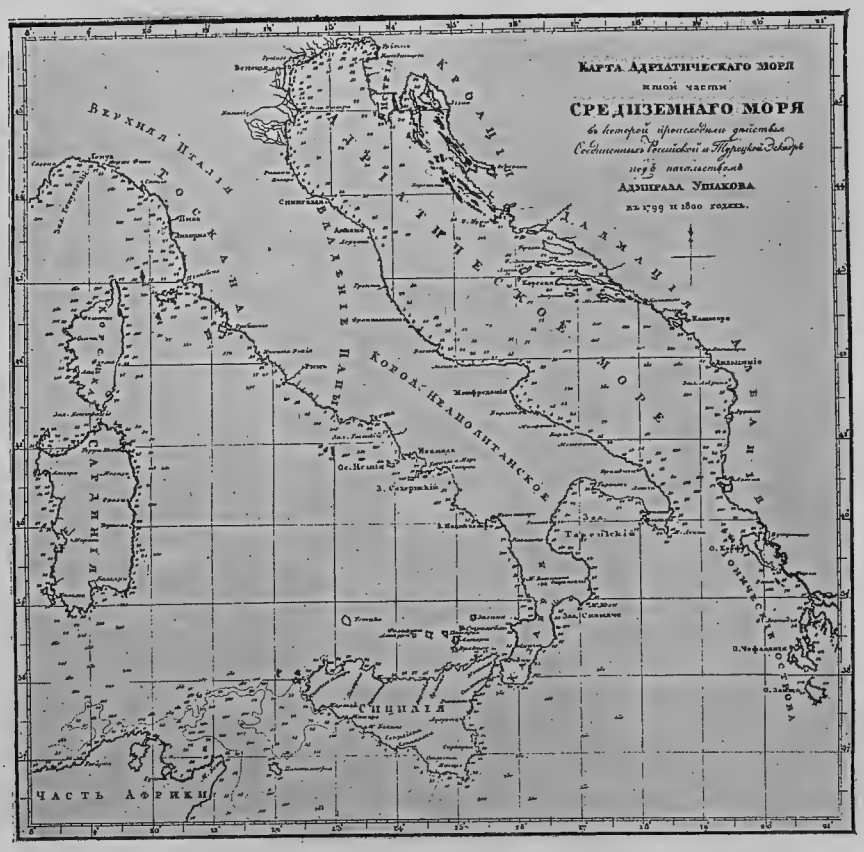


Современный видъ бывшей крѣпости на остр. Корфу.

рега Италіи небольшой отрядъ русскихъ, для воодушевленія и поддержки начавшагося движенія къ освобожденію страны и возстановленію королевской власти.

На появленіе русскихъ разсчитывали, какъ на лучшую угрозу для французовъ и на вѣрнѣйшую опору для пробуждавшагося мужества сторонниковъ короля. Посланный послѣднимъ кавалеръ Мишеру прибылъ къ Ушакову на остр. Корфу 29-го марта.

Адмиралъ въ это время былъ занятъ исправленіемъ судовъ своей эскадры и заготовленіемъ продовольствія



Раіонъ дѣйствій соединенной эскадры подъ начальствомъ адмирала Ушакова.

для дальнѣйшихъ дѣйствій. Поврежденія судовъ при осадѣ Корфу были весьма значительны, а береговыя турецкія власти крайне неохотно исполняли требованія Ушакова по поставкѣ матеріаловъ. Подготовка эскадры шла медленно. Она закончена была только къ августу, почти черезъ полгода.

Адмиралъ понималъ необходимость наилучшей подготовки флота къ труднѣйшей части даннаго ему порученія,

но понималъ также значеніе, при такихъ положеніяхъ, и силу суворовскихъ «быстроты и натиска», а потому черезъ двѣ недѣли послѣ прибытія Мишеру привелъ въ порядокъ небольшую эскадру изъ четырехъ русскихъ фрегатовъ и двухъ турецкихъ корветовъ и отрядилъ ее, подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Сорокина [1]), къ берегамъ неаполитанскаго королевства. Этотъ небольшой отрядъ судовъ и его десанты на берегъ совершили цѣлый рядъ подвиговъ, еще шире пронесшихъ славу о русскихъ по Южной Италіи.

22-го апрѣля эскадра Сорокина появилась въ виду крѣпости Бриндизи на восточномъ берегу полуострова. Неожиданное появленіе русскихъ произвело панику среди французскаго гарнизона крѣпости.

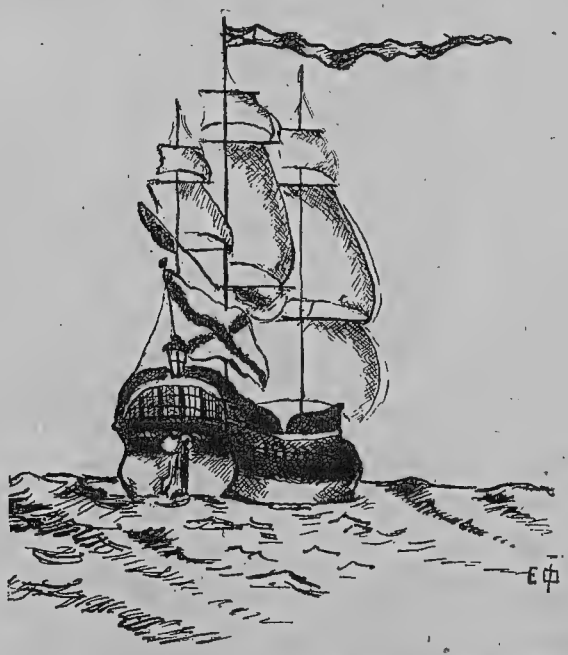
Комендантъ, со своимъ штабомъ и пріѣзжими для сбора съ жителей контрибуціи комиссарами, садились въ это время за обѣденный столъ. Они выскочили изъ-за стола, побросали всѣ приборы, деньги и вещи, собранныя въ контрибуцію. Едва успѣли собрать гарнизонъ, чтобы посадить его на суда и бѣжать изъ крѣпости.

Турецкій корветъ, пришедшій первымъ къ берегу, нашелъ городъ совершенно оставленнымъ французами. Жители встрѣтили русскую эскадру депутаціей и радостными восклицаніями.

---

[1]) Сорокинъ, Александръ Андреевичъ, умеръ въ 1827 году; участвовалъ въ славныхъ побѣдахъ адмирала Ушакова въ Керченскомъ проливѣ и у Гаджибея (1790 г.). Впослѣдствіи въ царствованіе императора Александра I принималъ участіе въ войнѣ съ французами на Средиземномъ морѣ.

Отъ Бриндизи эскадра Сорокина прошла вдоль берега Италіи до залива Манфредоніи, и плаваніе это было тріумфальнымъ шествіемъ союзнаго флота. Слухи о побѣдахъ опережали эскадру, и едва суда показывались у берега, прибрежные города и замки спѣшили принести повин-



Черноморскій 50-ти пушечный фрегатъ.

(Съ акварели 1792 г., хранящейся въ Морскомъ музеѣ).

ную и салютовали нашему флоту. Жители сбѣгались тысячами къ берегу, множество лодокъ сопровождали эскадру при громкихъ кликахъ: «Да здравствуетъ императоръ Павелъ! Да здравствуютъ русскіе, освободители Италіи!»

Сопровождавшій эскадру кавалеръ Мишеру предложилъ Сорокину послать отрядъ внутрь страны. Сорокинъ 9-го мая высадилъ на берегъ 390 морскихъ солдатъ и мат-

росовъ съ фрегата «Счастливый» и командира судна капитанъ-лейтенанта Белли [1]) поставилъ во главѣ отряда.

Выборъ начальника сухопутнаго отряда былъ удаченъ. Съ своимъ незначительнымъ десантомъ, усиленнымъ потомъ до 600 человѣкъ, Белли воодушевилъ неустроенныя ополченія сторонниковъ короля и быстро прошелъ чрезъ всю страну до столицы королевства—Неаполя.

По пути населеніе съ удивленіемъ и радостью встрѣчало неожиданныхъ гостей дальняго сѣвера. Вѣсть о приходѣ русскихъ и ихъ побѣдахъ неслась впереди отряда, страхъ увеличивалъ ихъ число. Иногда одинъ слухъ о приближеніи русскихъ разсѣивалъ непріятеля, и тысячные отряды искали спасенія въ отступленіи. Ободренный же народъ, привлекаемый строгой дисциплиной и скромнымъ поведеніемъ нашихъ солдатъ, спѣшилъ изъявить покорность королю.

Кавалеръ Мишеру, сопровождавшій отрядъ, доносилъ Фердинанду IV: «Три недѣли спустя по прибытіи нашемъ въ Бриндизи, вся страна была уже покорена до самыхъ воротъ Неаполя. Притомъ этотъ быстрый переходъ отъ ига демократіи къ монархической власти совершился безъ пролитія капли крови, посреди празднествъ, ликованій и благословеній народа. Конечно, не было другого подобнаго событія; одни лишь войска русскія могли совер-

---

[1]) Белли, Григорій Григорьевичъ, умеръ въ 1826 году. Соучастникъ всѣхъ выдающихся побѣдъ адмирала Ушакова на Черномъ морѣ. Впослѣдствіи, при императорѣ Александрѣ I вновь принималъ участіе въ войнѣ на Средиземномъ морѣ.

шить такое чудо. Какая храбрость! Какая дисциплина! Какіе кроткіе, любезные нравы! Здѣсь боготворятъ ихъ, и память о русскихъ останется въ нашемъ отечествѣ на вѣчныя времена».

Таковы были дѣйствія малочисленнаго русскаго отряда, заброшеннаго въ глубину неаполитанскаго королевства.

По дорогѣ къ Неаполю въ гор. Адріано предводительствовавшій неаполитанскими войсками кардиналъ Руффо просилъ капитана Белли помочь ему внести какой-нибудь порядокъ въ его ополченія. Три дня русскіе офицеры занимались обученіемъ неаполитанцевъ экзерциціямъ и устройствомъ ихъ ополченій. Кардиналъ надѣялся, что, главнымъ образомъ, примѣръ строгой дисциплины и порядка въ русскихъ войскахъ нѣсколько обуздаетъ и его буйныя рати.

Во главѣ постепенно присоединявшихся къ нему сторонниковъ короля, Белли 1-го іюня подошелъ къ Неаполю. Высланные навстрѣчу отряды были опрокинуты, и французы въ концѣ концовъ принуждены были ограничиться обороною самаго города.

Въ Неаполѣ начали дѣятельно готовиться къ защитѣ. Спѣшно строили батареи; улицы преграждали баррикадами; приводили въ оборонительное состояніе замки, дворцы, церкви и вообще всѣ зданія, способныя къ оборонѣ. Для поднятія духа защитниковъ города, распространяли слухи, что появившаяся армія представляетъ нестройныя толпы, предводимыя кардиналомъ Руффо, и что русскихъ въ дѣйствительности нѣтъ, а во главѣ осаждающихъ тѣ же неаполитанцы, одѣтые для внушенія

Изображеніе вѣтра.
(Съ аквар. 1792 г.).

большаго страха въ русскіе мундиры. Такъ одна мысль о русскихъ воодушевляла одну сторону и отнимала мужество у другихъ!

Между тѣмъ русскій отрядъ капитана Белли, изъ 600 человѣкъ при шести орудіяхъ, началъ приступъ къ Неаполю съ юго-востока, со стороны Везувія. На пути лежалъ городокъ Портичи. Гарнизонъ его, состоявшій изъ французовъ, увидя приближеніе русскихъ, бѣжалъ, не выждавъ даже нападенія. Белли поспѣшилъ къ слѣдующему небольшому прибрежному форту Вильена, аттакованному войсками Руффо. Гарнизонъ его сопротивлялся отчаянно, но приходъ русскихъ рѣшилъ участь. Они смѣло пошли на штурмъ, овладѣли фортомъ и водрузили на немъ королевское знамя. Часть гарнизона, не успѣвъ спастись, была переколота штыками.

Далѣе, по направленію къ Неаполю, пересѣкала путь рѣка Себето, и около моста св. Магдалины было сосредоточено 2,000 человѣкъ непріятеля, а впереди его батарея съ шестью орудіями. Дорога, ведущая къ мосту, шла по самому берегу залива. Французы собрали вдоль берега 30 вооруженныхъ лодокъ, чтобы обстрѣливать русскій отрядъ съ лѣваго фланга. Рѣшительный Белли быстро устроилъ батарею противъ флотиліи и встрѣтилъ ее сильнымъ огнемъ. Потопивъ двѣ лодки, онъ заставилъ всю флотилію удалиться. Послѣ этого нашъ отрядъ быстро

двинулся къ мосту, опрокидывая штыками встрѣчавшееся на пути. Пораженный стремительнымъ натискомъ, непріятель былъ выбитъ изъ предмостнаго укрѣпленія и обратился въ бѣгство, оставивъ всѣ свои пушки въ рукахъ русскихъ. Этотъ рѣшительный моментъ былъ схваченъ съ такой отвагой и быстротой, что съ нашей стороны не было ни одного убитаго, и только трое ранены. Непріятель же понесъ значительный уронъ, а самъ генералъ, оборонявшій мостъ, былъ убитъ.

Блестящія дѣйствія русскаго отряда рѣшили судьбу Неаполя. Французы оставили попытки открытыхъ дѣйствій и заключились въ замки, расположенные въ разныхъ частяхъ города.

Ополченія кардинала Руффо вошли въ Неаполь. Это не принесло радости для жителей столицы. Они спѣшили заявить о своей покорности и преданности королю, но пришельцы не желали вѣрить столь быстрой перемѣнѣ. Заключившіеся въ укрѣпленныхъ замкахъ французы думали только о своемъ спасеніи и не пускали туда своихъ же сторонниковъ. На улицахъ города началась безпощадная борьба отчаянія со стороны однихъ и озлобленнаго мщенія со стороны другихъ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней Неаполь представлялъ страшную картину жестокихъ, безсмысленныхъ убійствъ, грабежа и насилія. Ополченія кардинала, соединившись съ уличной толпой, безцѣльно лили кровь беззащитнаго населенія, не было пощады всѣмъ заподозрѣннымъ или обвиненнымъ въ преданности французамъ, не щадили ни пола, ни возраста. Не было спасенія отъ ужаса. Кровожадныя толпы тѣшились мученіями своихъ

жертвъ—разстрѣливали ихъ толпами, сжигали въ домахъ или на кострахъ, разложенныхъ на улицѣ.

Самъ кардиналъ Руффо содрогнулся при видѣ совершавшихся злодѣяній, но былъ безсиленъ положить имъ предѣлъ. Единственная надежда на возстановленіе порядка въ городѣ возлагалась на русскій отрядъ. Среди общаго безпорядка и разнузданности русскіе сохраняли примѣрную дисциплину, вели себя съ безукоризненной честностью и спокойствіемъ. Офицеры и солдаты взывали къ состраданію, старались удерживать побѣдителей отъ мщенія, не разъ вырывали невинныя жертвы изъ рукъ убійцъ и давали несчастнымъ убѣжище отъ преслѣдованія.

По отзыву кавалера Мишеру, «нѣсколько дней русскіе одни охраняли спокойствіе въ Неаполѣ и общимъ голосомъ провозглашены спасителями города». Только помощью русскихъ кардиналу удалось ввести нѣкоторый порядокъ въ городѣ, чтобы можно было приступить къ забытой главной цѣли похода, къ освобожденію Неаполя отъ французовъ.

Нужно было приступить къ осадѣ крѣпкихъ замковъ, и это требовало приготовленія и большихъ осадныхъ работъ. 3-го іюня русскіе штурмовали одинъ изъ замковъ, взяли его и укрѣпились для дальнѣйшихъ дѣйствій въ Неаполѣ.

Въ тотъ же день Белли получилъ извѣстіе, что въ его тылу, по дорогѣ отъ Портичи, появился отрядъ непріятелей въ 1000 человѣкъ и разбилъ преградившія ему дорогу королевскія ополченія. Белли условился съ кардиналомъ Руффо, что тотъ пошлетъ отъ себя часть войска, для обхода непріятеля также въ тылъ, самъ же отрядилъ

къ Портичи 130 морскихъ солдатъ и матросовъ съ двумя пушками, подъ командой поручика Александера.

Руффо не успѣлъ во-время подойти. Не взирая на это, горсть русскихъ смѣло пошла на тысячный отрядъ противника. Изумленные такимъ мужествомъ русскихъ, ряды непріятеля пришли въ замѣшательство. Тогда Александеръ повелъ свой отрядъ прямо въ атаку, подошелъ къ

Турецкія шебеки въ походѣ.
(Съ акварели 1792 г., хранящейся въ Морскомъ музеѣ).

самому фронту непріятеля, и съ крикомъ «ура!» горсть храбрецовъ ударила въ штыки. Тысячный отрядъ былъ разсѣянъ, 300 человѣкъ было положено на мѣстѣ, 60 человѣкъ со знаменемъ, пятью пушками и 25-ю лошадьми было взято въ плѣнъ. Со стороны русскихъ убито было всего три человѣка и восемь ранено. Послѣ этого попытки пробиться въ Неаполь и принести помощь осажденнымъ не повторялись.

Осада замковъ велась энергично русскими и королевскими войсками, и скоро осажденные пришли къ заключенію, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно. Начались переговоры о капитуляціи, которая и была подписана на 12-е іюня.

Часть сдавшихся на капитуляцію гарнизоновъ—французы—была уже отправлена въ Тулонъ, когда предъ Неаполемъ неожиданно появилась англійская эскадра подъ начальствомъ лорда Нельсона.

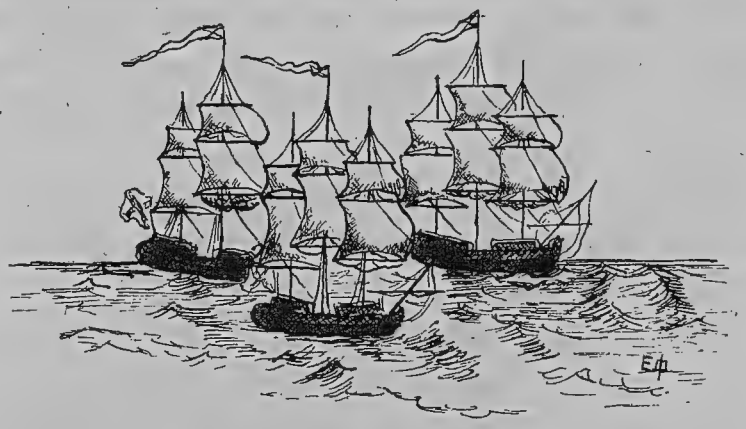
По плану дѣйствій союза, Нельсонъ долженъ былъ упредить приходъ русскихъ въ Италію, но англійскій адмиралъ подоспѣлъ уже тогда, когда горсть русскихъ матросовъ почти закончила освобожденіе неаполитанскаго королевства.

Ея подвиги прославили имя русскихъ на югѣ Италіи въ то время, какъ на сѣверѣ гремѣли побѣды Суворова. Дѣйствія скромнаго отряда моряковъ не были столь же грандіозными, какъ суворовскія побѣды надъ французскими генералами въ Сѣверной Италіи, но тѣмъ не менѣе въ три недѣли, по прибытіи русскихъ судовъ къ берегамъ Италіи, съ суворовскими быстротою и натискомъ, неаполитанское королевство отъ Бриндизи до Неаполя было освобождено отъ французовъ, безъ большихъ потерь, среди ликованій и благословеній народа.

Самъ герой этихъ удивительныхъ подвиговъ относится къ нимъ, какъ къ обычному исполненію долга службы и въ донесеніи своемъ фельдмаршалу Суворову рапортуетъ:

«Мая 10-го высаженъ я со ввѣреннымъ мнѣ десантнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ 560 морскихъ солдатъ,

канониръ и матросовъ, для покоренія провинціи Апуліи [1]), которую я привелъ въ подданство королю, даже до самаго Неаполя, и оный взялъ силою оружія, разбилъ непріятеля во многихъ мѣстахъ, гдѣ только не встрѣчалъ; при входѣ въ Неаполь взялъ три замка и одну батарею,



Черноморскіе крейсера.
(Съ аквар. 1792 г., хранящ. въ Морскомъ музеѣ).

а потомъ Кастель-Ново, дель-Ово, крѣпость Санъ-Эльмъ и городъ Капуа.

Имѣю честь донести вашей свѣтлости, что неаполитанское владѣніе освобождено отъ республиканцевъ».

Удивительная скромность героя! Какъ будто онъ бралъ какія-нибудь жалкія укрѣпленія, защищаемыя слабымъ врагомъ: А, между тѣмъ, онъ выбивалъ изъ хорошо укрѣпленныхъ замковъ французовъ, предъ которыми пала духомъ вся Европа, считая ихъ непобѣдимыми.

Императоръ Павелъ, получивъ донесеніе отъ адмирала Ушакова, былъ чрезвычайно обрадованъ славными дѣй-

[1]) Апулія—Южная Италія.

ствіями своихъ моряковъ при занятіи Неаполя. Онъ сказалъ: «Белли думалъ меня удивить; такъ и я удивлю его», и пожаловалъ ему генеральскій орденъ св. Анны 1-й степени, хотя Белли состоялъ только въ чинѣ капитанъ-лейтенанта.

Въ рескриптѣ на имя фельдмаршала Суворова императоръ съ видимымъ удовольствіемъ писалъ: «Сдѣланное капитанъ-лейтенантомъ Белли въ Неаполѣ доказываетъ, что русскіе люди на войнѣ всѣхъ прочихъ бить будутъ, да и тѣхъ, кои съ ними, тому же научатъ»... Награждены были также капитанъ Сорокинъ и кардиналъ Руффо.

Послѣ освобожденія отъ французовъ, Южная Италія долго не могла успокоиться отъ ужасовъ междоусобія. Виновникомъ этого былъ прибывшій англійскій адмиралъ Нельсонъ, занявшій по своему чину старшее мѣсто въ средѣ начальниковъ союзныхъ войскъ. Къ его приходу, какъ было сказано, французскіе гарнизоны Неаполя, сдавшіеся военноплѣнными, были уже отправлены во Францію. Туда же кардиналъ Руффо предполагалъ отправить всѣхъ сторонниковъ французовъ, составлявшихъ бывшее временное правительство Неаполя. Это было выговорено капитуляціей, и этимъ кардиналъ разсчитывалъ положить конецъ междоусобіямъ въ Неаполѣ. Оставшимся же сторонникамъ французовъ Руффо отъ имени короля объявилъ прощеніе, призывая ихъ къ братскому согласію. Мѣра эта была безусловно полезной для внесенія успокоенія въ происходившую смуту.

Но лордъ Нельсонъ рѣшилъ дѣло иначе. Онъ задер-

Англійскій вице-адмиралъ Нельсонъ. Правая рука потеряна Нельсономъ при осадѣ гор. Санта-Круцъ на остр. Тенерифѣ въ іюлѣ 1797 года.

жалъ корабли съ военноплѣнными и велѣлъ предать ихъ суду. Напрасно кардиналъ Руффо лично представлялъ лорду Нельсону о неблаговидности такого нарушенія заключеннаго договора и умолялъ его не налагать на себя такого безчестія. Нельсонъ, по соображеніямъ, менѣе разумнымъ, настоялъ на своемъ.

Для разбора преступленій бывшихъ измѣнниковъ Нельсономъ былъ учрежденъ верховный временный судъ (Юнта). Но судъ этотъ скоро обратился въ средство для мщенія и цѣлей недостойныхъ.

Юнта заботилась не о внесеніи спокойствія въ изстрадавшуюся во время междоусобія страну, она стремилась умножить число жертвъ. Безпрестанные доносы, признанія, вынужденныя пыткой, личныя мщенія приводили въ тюрьмы десятки тысячъ обвиненныхъ. Осужденныхъ ставили толпами подъ батареи и разстрѣливали, другихъ лишали жизни на эшафотахъ. Видъ ежедневныхъ казней снова пробудилъ кровожадныя страсти неаполитанской черни (лаццарони). Прекращенное было на нѣкоторое время въ Неаполѣ народное буйство возобновилось съ прежнимъ ожесточеніемъ, начались насилія и грабежи.

Среди этого смятенія опять населеніе искало спасенія у русскихъ; они были защитниками невинныхъ. Дома, занятые русскими, были домами убѣжища для спасавшихся отъ рукъ черни. Неограниченное уваженіе къ русскимъ охраняло эти дома отъ вторженія и обыска. Белли иногда скрытно помогалъ обвиняемымъ, невинность которыхъ ему была извѣстна, бѣжать изъ Неаполя. Иногда онъ прямо обращался къ Юнтѣ съ ходатайствомъ о прощеніи, и его просьбы всегда удовлетворялись.

Одинъ изъ историковъ Италіи, изобразивъ поведеніе русскаго отряда въ Неаполѣ въ это время, въ порывѣ негодованія на своихъ соотечественниковъ, невольно восклицаетъ: «Срамъ Италіи и слава русскимъ!»

Неаполитанскій король писалъ адмиралу Ушакову: «Даже и послѣ того, какъ королевство мое было уже

освобождено отъ ига непріятельскаго, не менѣе заслугъ оказалъ русскій отрядъ своею дѣятельностью и усердіемъ, на немъ лежало столь необходимое въ настоящее время охраненіе спокойствія въ столицѣ; благоустройство его принято въ образецъ дисциплины и порядка для вновь формируемыхъ войскъ неаполитанскихъ». Самъ король, передавъ во время смуты свои полномочія Юнтѣ, нерѣдко обращался къ содѣйствію Белли для спасенія нѣкоторыхъ осужденныхъ.

Въ то время, какъ моряки во главѣ съ капитанъ-лейтенантомъ Белли отличались на сушѣ, внутри страны, суда флота дѣйствовали въ сѣверной части Адріатическаго моря, въ Венеціанскомъ заливѣ. На нихъ лежала задача обезпечить доставку моремъ продовольствія для союзныхъ армій, дѣйствовавшихъ въ Сѣверной Италіи.

Видъ на островъ Корфу.

Для этой цѣли флотъ блокировалъ Анконскую гавань, въ которой укрывались французскіе корабли, постоянно угрожавшіе подвозкѣ продовольствія. Объ этомъ Австрія просила русскаго посла и Суворова. Послѣднимъ было предложено адмиралу Ушакову оказать просимое содѣйствіе сухопутнымъ войскамъ. Выполненіе этого порученія было Ушаковымъ возложено на отрядъ судовъ контръ-адмирала Пустошкина, къ которому впослѣдствіи присоединилась и эскадра Сорокина.

1-го мая отрядъ вышелъ изъ Корфу и 7-го мая появился предъ Анконой. Дѣйствія Пустошкина противъ Анконы должны были ограничиться одной только блокадой крѣпости. Не имѣя достаточнаго десанта, онъ не могъ предпринять что-либо съ сухого пути. Анкона, хорошо защищенная природными средствами, была усилена французами, по занятіи ея, новыми укрѣпленіями. Поэтому Пустошкинъ въ концѣ мая высадилъ сѣвернѣе Анконы, въ Пезаро, десантъ, соединившійся съ отрядомъ итальянцевъ подъ начальствомъ Лагоци [1]). Это союзное войско захватывало у французовъ прибрежныя крѣпости по направленію къ Анконѣ и мало-по-малу заставило ихъ заключиться въ стѣны самой Анконы. Для осады крѣпости съ суши Пустошкинъ затребовалъ австрійскія войска.

---

[1]) Лагоци—горячій итальянскій патріотъ, былъ сначала сторонникомъ французовъ, при ихъ вступленіи въ Италію. Онъ мечталъ при ихъ помощи возстановить объединенную Италію и освободить отдѣльныя части ея отъ чужеземныхъ владѣтелей. Но разочаровавшійся въ французахъ, оказавшихся не освободителями, а поработителями Италіи, онъ бѣжалъ отъ нихъ. Собравъ вокругъ себя отрядъ итальянцевъ, онъ съ пыломъ молодости (ему было 26 лѣтъ) отдался дѣлу освобожденія родины отъ французовъ.

Дальнѣйшія дѣйствія отряда Пустошкина противъ Анконы прервались распространившимся тревожнымъ слухомъ о вступленіи въ Средиземное море сильнаго соединеннаго французско-испанскаго флота.

Нельсонъ и Ушаковъ приняли мѣры къ предстоящей встрѣчѣ съ непріятельскимъ флотомъ. Ушаковъ послѣшилъ стянуть къ Корфу всѣ свои отдѣльные отряды, чтобы приготовиться и идти на соединеніе съ Нельсономъ, предлагавшимъ русскому адмиралу выступить противъ французовъ соединенными силами [1]).

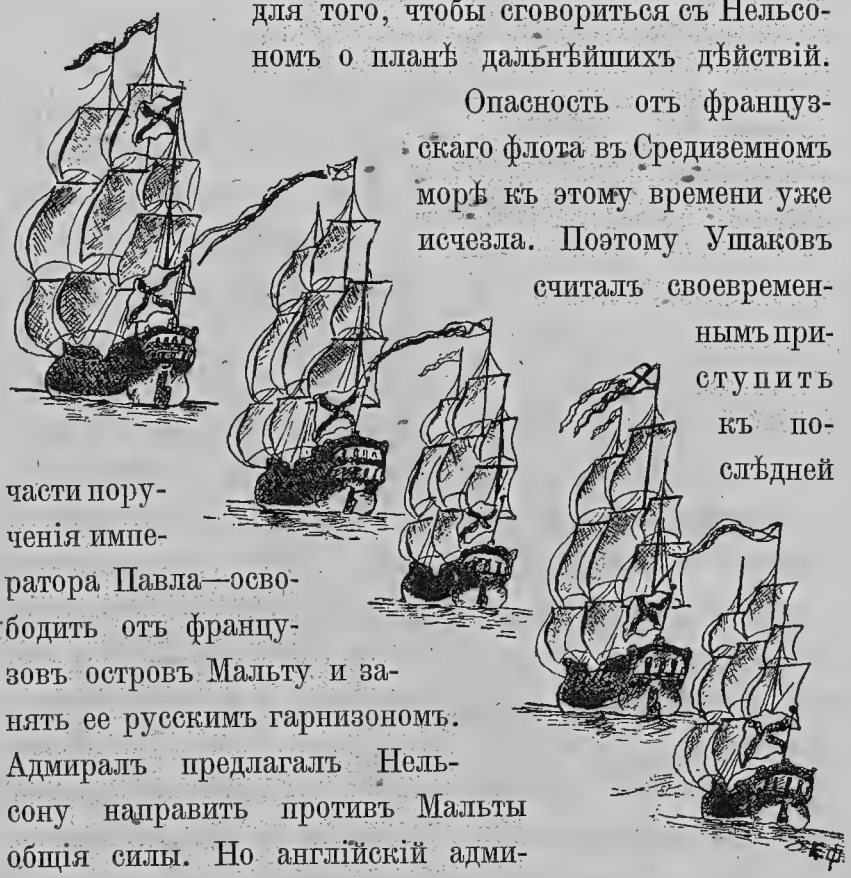
Собравъ всю эскадру въ Корфу и снабдивъ ее достаточнымъ провіантомъ, Ушаковъ въ концѣ іюля отправился въ Сицилію, во главѣ соединеннаго русско-турецкаго флота, состоявшаго изъ 10 кораблей, 7 фрегатовъ и 5 малыхъ судовъ.

3-го августа эскадра пришла въ Мессину. Здѣсь было получено письмо фельдмаршала Суворова. Онъ, готовясь начать наступленіе къ берегу Генуэзскаго залива, просилъ отрядить часть флота для блокады Генуи, чтобы пресѣчь подвозъ моремъ запасовъ къ непріятельской арміи. Ушаковъ отдѣлилъ отъ эскадры въ Геную отрядъ

---

[1]) Высокомѣрный англійскій адмиралъ недолюбливалъ Ушакова. Умъ и независимый характеръ русскаго адмирала не допускали возможности подчиненія его Нельсону, что послѣдній предполагалъ въ началѣ совмѣстныхъ дѣйствій. Называя за глаза Ушакова «медвѣдемъ», Нельсонъ не могъ не признать воспитанности и благородства адмирала. Завидуя успѣхамъ русскихъ, онъ старался показать пренебреженіе къ нашему флоту и гдѣ могъ—помѣшать, но въ опасныя минуты забывалъ объ этой тактикѣ и искалъ помощи у Ушакова.

изъ 2 кораблей и 2 мелкихъ судовъ, а капитана Сорокина съ тремя фрегатами послалъ къ Неаполю, въ помощь находившемуся тамъ отряду Белли. Самъ же съ остальнымъ флотомъ отправился въ Палермо, для того, чтобы сговориться съ Нельсономъ о планѣ дальнѣйшихъ дѣйствій. Опасность отъ французскаго флота въ Средиземномъ морѣ къ этому времени уже исчезла. Поэтому Ушаковъ считалъ своевременнымъ приступить къ послѣдней части порученія императора Павла—освободить отъ французовъ островъ Мальту и занять ее русскимъ гарнизономъ. Адмиралъ предлагалъ Нельсону направить противъ Мальты общія силы. Но англійскій адмиралъ уклонился отъ совмѣстныхъ дѣйствій и всевозможными доводами старался отклонить самого Ушакова отъ этого намѣренія. Съ другой стороны, неаполитанскій король самъ посѣтилъ Ушакова на его кораблѣ и лично просилъ не оставлять Италію.



По сигналу: «Вступить въ кильватеръ адмиралу».

(Съ аквар. 1792 г., хранящ. въ Морскомъ музеѣ).

Фудройянъ (громящій)—любимый корабль Нельсона, его главная квартира въ Палермо въ 1799 г.

Въ это время (28-го августа) на турецкихъ судахъ произошли безпорядки. Высаживаясь на берегъ, турецкіе матросы вели себя безчинно и раздражили итальянцевъ. Палермская чернь начала осыпать ихъ камнями.

Завязалась упорная и кровопролитная драка на улицахъ. Во время ея 50 турокъ было убито и столько же ранено.

Это происшествіе вызвало страшный ропотъ и неудовольствіе между турецкими матросами. Послѣдніе уже давно жаловались, что они слишкомъ удалены отъ родины и отъ семействъ своихъ и просились домой. Послѣ палермскаго происшествія безпорядокъ на турецкихъ судахъ дошелъ до явнаго бунта. Кадыръ-бей и начальники растерялись. Турецкій адмиралъ съ трепетомъ явился къ Ушакову съ донесеніемъ о происшедшемъ. Ушаковъ немедленно отправился на турецкую эскадру и явился на палубу одного изъ кораблей среди взволнованной толпы. Удивленные его рѣшимостью и грознымъ видомъ, турки быстро успокоились, почтительно подошли къ русскому адмиралу и внимательно выслушали его.

Всѣ убѣжденія Ушакова были напрасны. Турки ничего не хотѣли, какъ только возвратиться на родину. Русская эскадра усилилась въ это время тремя кораблями и однимъ фрегатомъ, пришедшими въ Средиземное море вокругъ Европы; поэтому Ушаковъ отказался отъ дальнѣйшаго содѣйствія турецкаго флота и предоставилъ ему идти обратно въ Турцію. 1-го сентября турки, не давъ никому извѣщенія о своемъ удаленіи, снялись съ якоря и взяли курсъ на Дарданеллы.

Два дня спустя и русская эскадра отплыла къ Неаполю. Тамъ уже стоялъ отрядъ Сорокина. Король упросилъ высадить на берегъ сколько можно болѣе русскихъ войскъ, для лучшаго успокоенія народа. Въ Неаполѣ было уже довольно спокойно, но жители съ живой ра-

Входъ въ Дарданельскій проливъ со стороны Архипелага.

достью привѣтствовали прибытіе новыхъ русскихъ судовъ. Адмирала Ушакова чествовали, какъ главнокомандующаго побѣдоноснаго флота. При его появленіи на улицахъ города народъ толпился съ радостными кликами.

Прибытіе главнаго русскаго флота содѣйствовало окончательному успокоенію населенія неаполитанскаго королевства, утомленнаго кровавыми происшествіями послѣдняго времени, и народъ началъ отдыхать послѣ бурь.

Дарданеллы.

Фердинандъ IV, желая выразить признательность возстановившимъ его власть союзникамъ, предложилъ присоединиться къ нимъ для освобожденія отъ французовъ римскихъ владѣній Средней Италіи. Онъ отрядилъ для этого 2,500 человѣкъ неаполитанскихъ войскъ и просилъ Ушакова, чтобы во главѣ этого похода стояли русскіе. Всѣ распоряженія были предоставлены русскому адмиралу. Ему даже были подчинены начальники неапо-

литанскихъ войскъ, которые должны были дѣйствовать вмѣстѣ съ русскими. Ушаковъ занялся снаряженіемъ экспедиціи къ Риму.

Изображеніе вѣтра.
(Съ аквар. 1792 г.).

Лордъ Нельсонъ не упустилъ случая совершить вѣроломный поступокъ по отношенію къ русскимъ, чтобы отнять у нихъ славу освобожденія Рима. Для этого тайно отъ Ушакова было отправлено англійское судно въ портъ Чивита-Веккія, близъ Рима. Командиръ этого судна предложилъ находившемуся въ Римѣ французскому генералу сдать всѣ занятые пункты римскихъ владѣній на чрезвычайно выгодныхъ для французовъ условіяхъ.

По этой капитуляціи французскія войска не признавались военноплѣнными, у нихъ не было отобрано оружія, и они не лишены были права вновь выступать въ этой же войнѣ. Даже была обѣщана перевозка французовъ въ отечество попеченіемъ и на судахъ союзниковъ. Французскій генералъ, имѣя извѣстіе о приходѣ русскаго флота въ Неаполь и предстоящемъ походѣ русскихъ на сѣверъ, совсѣмъ не желалъ встрѣтиться съ ними въ Римѣ. Онъ съ радостью 16-го сентября подписалъ такую капитуляцію, выгодную для французовъ, но несогласную съ достоинствомъ побѣдителей.

Ушаковъ пришелъ въ крайнее негодованіе отъ недальновидности и вѣроломства англичанъ. Благодаря такой

капитуляціи, французы получали свободныя войска и могли подкрѣпить свои арміи, дѣйствовавшія противъ Суворова на Генуэзскомъ побережьѣ. Заявленный Ушаковымъ протестъ противъ дѣйствій англійскаго командира не былъ принятъ во вниманіе. Французскія войска быстро собрались въ Чивита-Веккію, и англійскіе корабли перевозили ихъ частью въ Корсику, частью въ гавани южной Франціи.

Ушаковъ уже рѣшился было отказаться отъ похода на Римъ и хотѣлъ посадить обратно на суда русскій отрядъ, высаженный на берегъ. Начальникъ неаполитанскаго отряда, кардиналъ Руффо, упрашивалъ адмирала не отмѣнять предположеннаго похода. Онъ не разсчитывалъ на дисциплину своихъ войскъ и справедливо опасался повторенія въ Римѣ тѣхъ же ужасовъ, какими сопровождалось освобожденіе отъ французовъ Неаполя.

Руффо писалъ Ушакову :«Нужно будетъ имѣть повелѣніе вашего высокопревосходительства, чтобы войска вашей эскадры продолжали свой маршъ, иначе невозможно будетъ спасти Римъ отъ грабежа и установить въ немъ добрый порядокъ. Безъ россійскихъ войскъ, королевскія—подвержены будутъ великой опасности и возможно отступятъ назадъ, оставя Римъ въ гораздо худшемъ состояніи, нежели въ какомъ онъ былъ до заключенія капитуляціи».

Участіе въ походѣ хотя бы малаго отряда русскихъ было въ глазахъ неаполитанцевъ обезпеченіемъ спокойствія и увѣренности въ дѣйствіяхъ освободителей и вѣрнымъ залогомъ порядка и безопасности для освобождаемыхъ. Ушаковъ согласился послать 800 человѣкъ,

Походъ на Римъ былъ тріумфальнымъ шествіемъ для русскихъ. 30-го сентября войска вступили въ столицу владѣній св. Петра [1]). Многочисленныя толпы встрѣтили вступавшихъ русскихъ и сопровождали ихъ по улицамъ

Флагманскій 84-хъ пушечный корабль адм. Ушакова.

(Съ аквар. 1792 г., хранящ. въ Морскомъ музеѣ).

города. Отрядъ долженъ былъ медленно прокладывать себѣ дорогу. Съ любопытствомъ и удивленіемъ смотрѣли римляне на невиданныхъ ими жителей отдаленнаго сѣвера, прогремѣвшихъ своими побѣдами по всей Италіи. Всюду русскихъ сопровождали восклицанія: «Да здрав-

---

[1]) Римская область составляла владѣнія папы, считавшаго себя намѣстникомъ св. Петра. Папа былъ духовнымъ и свѣтскимъ владыкою области.

ствуетъ Павелъ Первый! Да здравствуютъ русскіе!» Окна и балконы были задрапированы, какъ въ праздникъ; съ нихъ восторженные римляне рукоплескали, махали платками, забрасывали русскихъ цвѣтами. «Вотъ тѣ, которые бьютъ всегда французовъ и которыхъ французы боятся! Вотъ наши избавители!» кричали римляне, указывая на русскихъ. «Недаромъ французы спѣшили отсюда удалиться».

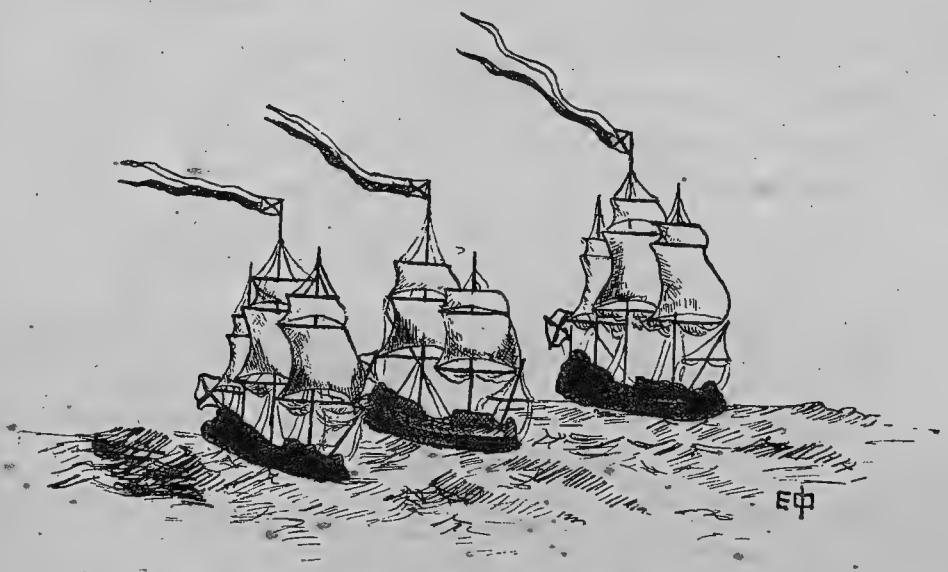
Такимъ образомъ англичане не предвосхитили чести освобожденія Рима. Итальянцамъ было понятно, кто ихъ настоящіе освободители.

Вступленіемъ въ Римъ закончилась непосредственная помощь нашихъ моряковъ на сушѣ освобожденію Италіи, но на морѣ флотъ съ честью продолжалъ оказывать въ Генуэзскомъ и Венеціанскомъ заливахъ содѣйствіе Суворову, сражавшемуся съ французами въ Сѣверной Италіи.

Еще при выходѣ изъ Корфу, въ концѣ іюля мѣсяца, къ берегамъ Сициліи, Ушаковъ, получивъ свѣдѣнія о миновавшей опасности отъ французскаго флота, отрядилъ нѣсколько судовъ подъ начальствомъ графа Войновича къ крѣпости Анконѣ, продолжавшей оставаться главнымъ опорнымъ пунктомъ французовъ на восточномъ берегу Италіи.

Анкона сильно была укрѣплена и съ суши, и съ моря. На батареяхъ ея и окружающихъ укрѣпленіяхъ было до 700 орудій. Десять судовъ, въ томъ числѣ три корабля, защищали входъ въ гавань.

Противъ Анконы еще дѣйствовалъ отрядъ Лагоци, но французы, по удаленіи Пустошкина, успѣли оттѣснить его отъ крѣпости. Съ возвращеніемъ русскихъ обстоятельства быстро перемѣнились. Французы скоро очистили окрестности и заключились въ Анконѣ. Сухопут-



Русскія крейсерскія суда.
(Съ аквар. 1792 г., хранящ. въ Морскомъ музеѣ).

ная осада возложена была на Лагоци; отрядъ же Войновича дѣйствовалъ съ моря.

Лагоци имѣлъ довольно многочисленный отрядъ (до 6,000 человѣкъ), но онъ просилъ прислать, для воодушевленія его ополченій, хотя немного русскихъ. Войновичъ отрядилъ ему на подкрѣпленіе 112 русскихъ и 60 турокъ, подъ начальствомъ лейтенанта Ратманова [1]). Этому

[1]) Ратмановъ, Макаръ Ивановичъ, умеръ въ 1833 году вице-адмираломъ.

незначительному отряду пришлось играть на восточномъ побережьѣ ту же роль, какую сыгралъ Белли на западномъ.

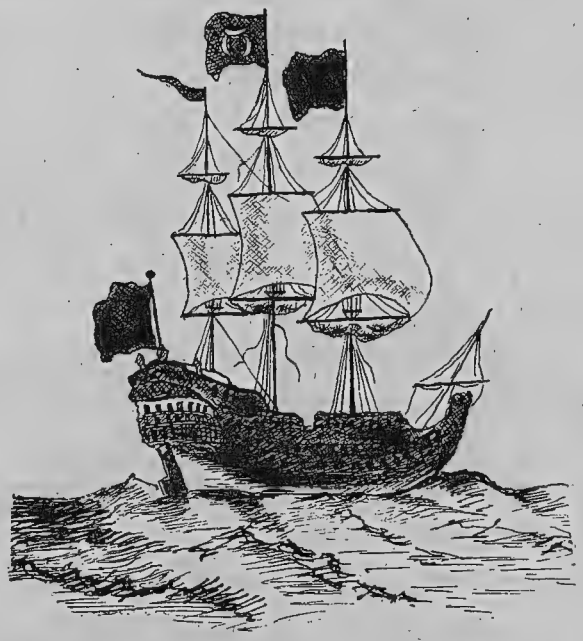
Ополченія Лагоци, худо вооруженныя и плохо обученныя, не могли самостоятельно противостоять опытнымъ въ военномъ дѣлѣ французамъ. При безпрестанныхъ вылазкахъ гарнизона, они, обыкновенно, послѣ недолгаго сопротивленія, быстро оборачивали тылъ, и непріятель преслѣдовалъ ихъ, пока не встрѣчался съ отрядомъ лейтенанта Ратманова. Русскіе мужественно отражали французовъ и принуждали ихъ къ быстрому возвращенію въ крѣпость. Спокойная и увѣренная храбрость малочисленнаго русскаго отряда воодушевляла ополченія Лагоци, они оправлялись и помогали прогнать французовъ обратно.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ около Анконы происходило какъ бы состязаніе противниковъ въ геройствѣ, храбрости и изворотливости.

Однажды французы сдѣлали сильную вылазку подъ начальствомъ генерала Газана. Онъ опрокинулъ осаждающихъ и гналъ ихъ до самыхъ батарей Ратманова. Здѣсь французы, по обыкновенію, встрѣтили неодолимый отпоръ. Они мужественно устремились на малочисленный отрядъ Ратманова. Завязался рукопашный бой.

Во время его одинъ турецкій богатырь бросился въ средину враговъ на самого генерала Газана и захватилъ его въ плѣнъ. Нѣсколько французскихъ солдатъ подоспѣли на выручку своего начальника. Турокъ, уложивъ на мѣстѣ человѣкъ пять, кого изъ пистолета, кого ятаганомъ, снова бросился на Газана. Видя, что трудно

захватить его живымъ, онъ закололъ Газана кинжаломъ, и тотъ упалъ замертво. Турецкій богатырь снова былъ окруженъ французами. Прострѣленный нѣсколькими пулями, проколотый штыками, онъ упалъ на землю, но даже и лежа продолжалъ еще отбиваться, пока не подоспѣли



Флагманскій корабль алжирской эскадры турецкаго флота.

(Съ аквар. 1792 г., хранящ. въ Морскомъ музеѣ).

на помощь товарищи. Турокъ былъ спасенъ, а французы, схвативши тѣло Газана, ушли въ крѣпость. Въ этой необыкновенной схваткѣ французы оставили убитыми 27 человѣкъ.

Начальникъ гарнизона образовалъ особый отрядъ изъ самыхъ отчаянныхъ смѣльчаковъ для ночныхъ вылазокъ. Отрядъ былъ названъ «адской колонной». Онъ вошелъ

въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми изъ лицъ, окружавшихъ Лагоци. Нашлись измѣнники, вызвавшіеся схватить, во время ночной вылазки, своего начальника, живого или мертваго, и помочь французамъ перебить всѣхъ русскихъ и турокъ. Но заговоръ былъ открытъ вовремя. Когда начальникъ гарнизона готовился къ задуманному ночному предпріятію и съ крѣпостныхъ стѣнъ высматривалъ расположеніе осаждающихъ, онъ увидѣлъ впереди ихъ стана висѣлицу съ повѣшеннымъ измѣнникомъ.

Въ другой разъ, во время вылазки, французы рѣшили принять всѣ мѣры, чтобы захватить самого Лагоци. Они не могли простить ему перехода на сторону своихъ противниковъ и считали его измѣнникомъ. Во главѣ отряда, выступившаго изъ крѣпости, въ виду ожидаемой рѣшительности боя, стояли два французскихъ генерала. Лагоци зналъ, каковы намѣренія французовъ, и что голова его оцѣнена непріятелемъ. Но сражался самъ, во главѣ своего отряда, съ геройскимъ мужествомъ. Въ горячей рукопашной схваткѣ онъ былъ окруженъ непріятелемъ. Лагоци отбивался нѣсколько времени, но, весь израненный, упалъ съ лошади и былъ захваченъ въ плѣнъ. Французы торжествовали.

Тогда Ратмановъ, подкрѣпивъ свой малочисленный отрядъ нѣсколькими сотнями ополченія, самъ бросается на выручку и отбиваетъ Лагоци. Французы принуждены были поспѣшно отступить въ крѣпость, удовольствовавшись одной саблей Лагоци.

Храбрый Лагоци не перенесъ тяжкихъ ранъ и на другой день умеръ. Съ его смертью Италія потеряла сына, дорогого для нея въ эту смутную эпоху. Восторженная

любовь къ родинѣ одушевляла Лагоци въ битвахъ и внушала ему самыя смѣлыя предпріятія на пользу отечества. Чувствуя свой конецъ, Лагоци собралъ послѣднія силы и, взявъ за руку Ратманова, сообщилъ ему въ немногихъ словахъ завѣтную цѣль всей своей жизни и причину его неожиданныхъ переходовъ изъ одного въ другой лагерь. Любимой и постоянной мечтой его было создать изъ разрозненной [1]) Италіи одно независимое государство.

Эту мечту чрезъ 60 лѣтъ взлелѣялъ и осуществилъ своими подвигами другой великій итальянскій патріотъ Гарибальди.

Такимъ образомъ, осада Анконы была полна героическихъ подвиговъ съ обѣихъ сторонъ, напоминающихъ собою разсказы Гомера о подвигахъ троянскихъ и греческихъ героевъ при осадѣ Трои.

3-го октября прибылъ къ Анконѣ корпусъ австрійскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Фрейлиха, и сейчасъ же на мѣсто прежняго героизма выступили на сцену интриги и вѣроломство.

Подобно англійскому адмиралу Нельсону подъ Неаполемъ и при освобожденіи Рима, Фрейлихъ съ презрительнымъ высокомѣріемъ отнесся къ успѣхамъ союзниковъ и хотѣлъ устранить ихъ отъ участія въ осадѣ, предоставивъ

---

[1]) Италія того времени не представляла объединеннаго государства, а дробилась на нѣсколько отдѣльныхъ частей, находившихся подъ властью разныхъ и иногда иноземныхъ государей.

продолженіе ея однимъ австрійцамъ. Имѣя армію, во много разъ превосходившую ослабленный гарнизонъ Анконы, Фрейлихъ разсчитывалъ, что крѣпость вскорѣ принуждена будетъ сдаться, и намѣренъ былъ приписать одному себѣ всю честь и выгоды капитуляціи.

О послѣдней, съ самаго начала прибытія русскаго отряда Войновича къ Анконѣ, заводилъ рѣчь французскій комендантъ крѣпости, но Войновичъ требовалъ безусловной сдачи, на полную милость осаждающихъ; французы же просили, чтобы крѣпость была оставлена, послѣ сдачи, въ совмѣстномъ владѣніи французовъ и русскихъ.

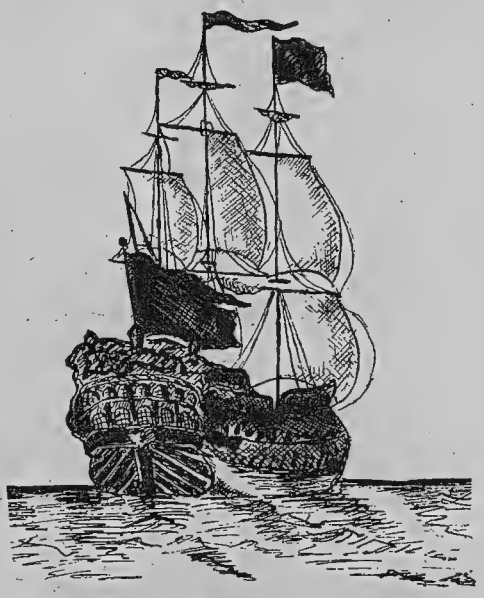
Австрійцы готовили коварство. Несмотря на предложеніе Войновича предпринять общими силами рѣшительный штурмъ крѣпости, Фрейлихъ оттягивалъ переговорами время, разсчитывая, что, съ наступленіемъ бурнаго осенняго времени, русско-турецкая эскадра уйдетъ отъ Анконы.

Наконецъ, въ ночь на 22-ое октября Фрейлихъ задумалъ штурмъ Анконы и пригласилъ для участія въ немъ союзный отрядъ. Австрійцы пытались прежде всего оттѣснить внутрь крѣпости французскіе отряды, расположенные во внѣшнихъ укрѣпленіяхъ. Но французы, сдѣлавъ сильную вылазку изъ крѣпости, отразили нападеніе. Австрійцы, потерявъ даромъ 300 человѣкъ убитыми, быстро отступили, пославъ парламентера просить у непріятеля перемирія, для погребенія убитыхъ.

Одинъ только русско-турецкій отрядъ храбро, подъ выстрѣлами, подошелъ къ цитадели и занялъ большое укрѣпленное строеніе рядомъ съ крѣпостью. Несмотря

на отступленіе австрійцевъ, союзники [1]) въ продолженіе цѣлаго дня держались на занятыхъ ими позиціяхъ и, не получивъ поддержки отъ Фрейлиха, въ порядкѣ возвратились на свое мѣсто.

Дѣйствія Фрейлиха становились все больше и больше вызывающими. Онъ, безъ согласія союзниковъ, вступалъ



Флагманскій турецкій корабль.

(Съ аквар. 1792 г., хранящ. въ Морскомъ музеѣ).

въ переговоры съ непріятелемъ, велъ себя, какъ полный хозяинъ края, принималъ жалобы обывателей на рус-

[1]) Наши союзники—турки со всѣмъ усердіемъ поддерживали русскихъ и безпрекословно повиновались нашимъ офицерамъ во все время осады. Это былъ удивительный союзъ двухъ народовъ, исторически привыкшихъ видѣть другъ въ другѣ непримиримыхъ враговъ. Дисциплина заставила забыть вѣковую вражду и дружно дѣлать одно порученное дѣло.

скихъ и на турокъ, отрѣшалъ мѣстное начальство, установленное въ окрестныхъ городахъ, освобожденныхъ русскимъ и турецкимъ оружіемъ.

Напрасно Войновичъ напоминалъ Фрейлиху о необходимости единодушія въ дѣйствіяхъ союзниковъ. Фрейлихъ показывалъ явное пренебреженіе къ русскимъ. Вмѣшательство въ дѣло самого Ушакова не принесло никакой пользы.

Когда разсчеты Фрейлиха оправдались, и сильныя осеннія бури дѣйствительно принудили Войновича отправить свои большія суда въ Тріестъ, Фрейлихъ 2-го ноября подписалъ капитуляцію съ начальникомъ французскаго гарнизона и занялъ Анкону только одними своими войсками. Онъ запретилъ даже впускать туда русскихъ и турокъ.

Все это было сдѣлано съ такимъ трусливымъ секретомъ отъ русскихъ и съ такимъ позорнымъ страхомъ предъ врагомъ, что французы вышли изъ Анконы какъ бы побѣдителями.

Въ силу подписанной капитуляціи было положено, что гарнизонъ выступитъ изъ крѣпости со всѣми воинскими почестями, съ барабаннымъ боемъ, распущенными знаменами, съ тремя пушками и отправится сухимъ путемъ во Францію. Офицеры и унтеръ-офицеры сохраняли при себѣ оружіе. Самъ Фрейлихъ назначилъ французскому генералу почетный караулъ изъ французскихъ войскъ съ полнымъ вооруженіемъ (15 конныхъ и 30 пѣшихъ). Австрійцы приняли на свой счетъ все путевое довольствіе отпущеннаго гарнизона.

Сами французы не могли бы придумать выгоднѣйшей

капитуляціи! Жители Анконы съ негодованіемъ смотрѣли, какъ французы увозятъ награбленное имущество, а австрійскій конвой охраняетъ ихъ обозы. Французы, съ неизмѣнной своей самонадѣянностью и насмѣшкой, грозили, что они еще возвратятся въ Италію.

Какая громадная разница между этой капитуляціей и тѣми условіями, какія ставились русскимъ флотомъ, при занятіи крѣпостей по побережью Іонійскаго и Адріатическаго морей! Въ русскихъ капитуляціяхъ слышенъ голосъ побѣдителя, дающаго великодушно милость побѣжденному; въ капитуляціи же Фрейлиха слышался страхъ и желаніе такъ или иначе, только поскорѣе, отдѣлаться отъ страшнаго еще врага.

Узнавъ о позорной капитуляціи и о томъ, что австрійцы стараются перенести на свое имя всю честь взятія Анконы, Войновичъ тотчасъ приказалъ пяти судамъ своей флотиліи войти въ Анконскую гавань и поднять флаги русскій, турецкій и австрійскій на молѣ, на карантинѣ и на судахъ. Но австрійцы силой спустили русскій и турецкій флаги и также силою согнали русскіе караулы съ плѣнныхъ французскихъ судовъ.

Такое дерзкое оскорбленіе, нанесенное русскому флагу [1]), должно было глубоко оскорбить нашихъ храбрыхъ моряковъ. Въ другомъ случаѣ они не задумались бы выступить на его защиту, несмотря на численное превосходство оскорбителей, но въ настоящемъ случаѣ это

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ Фрейлихъ былъ отданъ подъ судъ за свои дѣйствія по отношенію къ русскимъ при взятіи Анконы и, признанный судомъ виновнымъ, былъ отставленъ отъ службы.

были союзники. Фрейлихъ былъ старшій чиномъ, и, по долгу союзнаго договора, русскимъ пришлось оставить дѣйствіе Фрейлиха безъ заслуженнаго отпора. Получивъ извѣстія о дѣйствіяхъ австрійцевъ при взятіи Анконы, Ушаковъ подробно донесъ императору Павлу.

Съ паденіемъ Анконы пришла очередь освобожденію отъ французовъ острова Мальты. Ушаковъ готовился перейти съ своимъ флотомъ туда, чтобы исполнить желаніе императора Павла и возвратить Мальту во владѣніе рыцарей св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ неаполитанскомъ королевствѣ установилось спокойствіе, и онъ въ Неаполѣ готовился къ новой экспедиціи.

Въ началѣ октября было получено неожиданное предложеніе Нельсона предпринять общими силами осаду главной крѣпости Мальты Ла-Валетты, занятой французами.

Еще мѣсяцъ тому назадъ, въ концѣ августа, Ушаковъ самъ склонялъ къ этому англійскаго адмирала, указывая на отчаянное положеніе гарнизона Ла-Валетты, блокированной англійскими, португальскими и неаполитанскими кораблями. Адмиралъ напомнилъ это обстоятельство Нельсону, но послѣдній повторилъ свое предложеніе, лживо выставляя на видъ, что теперь только наступилъ благопріятный моментъ для взятія Ла-Валетты.

На самомъ дѣлѣ Нельсонъ чувствовалъ свое безсиліе на Мальтѣ безъ помощи русскихъ. Мальтійскія ополченія, осаждавшія, въ помощь союзному флоту, городъ съ суши,

отказывались предпринять что-нибудь рѣшительное, пока не увидятъ на островѣ русскихъ. Кромѣ того дѣйствовавшій противъ Ла-Валлеты флотъ распался, потому что португальцы получили приказъ возвратиться домой. Англійскіе же корабли не рѣшались идти дальше простой блокады крѣпости до прибытія русскихъ судовъ.

Адмиралъ Ушаковъ рѣшилъ забыть коварство Нельсона и готовился къ походу. Подготовка эскадры и снабженіе ея провіантомъ, достаточнымъ не только для надобностей судовъ, но и для жителей Мальты, терпѣвшихъ большую нужду, задержали отплытіе эскадры изъ Неаполя. Только 20-го декабря она вышла въ море. 22-го декабря русскій флотъ прибылъ въ Мессину. Здѣсь Ушаковымъ было получено Высочайшее повелѣніе возвратиться со всѣмъ флотомъ въ Черное море. Оно было подписано еще 23-го октября и получено Ушаковымъ чрезъ два мѣсяца.

Причины отзыва русской эскадры были слѣдующія.

Неискренніе, своекорыстные поступки Австріи и Англіи, во время доблестныхъ подвиговъ нашихъ войскъ и флота въ Италіи, оскорбляли императора Павла. Онъ примкнулъ къ союзу противъ Франціи, руководясь благородными, безкорыстными побужденіями. Русскій императоръ желалъ освободить Италію отъ чужеземнаго ига и положить предѣлъ завоевательному шествію французовъ, приведшему въ страхъ и вызвавшему упадокъ духа во всей континентальной Европѣ. Этимъ благороднымъ побужденіямъ не соотвѣтствовали постоянныя ухищренія и козни его союзниковъ, изъ которыхъ наиболѣе вѣрными оказались только турки. Австрійцы же и англичане, завидуя успѣхамъ русскихъ, позволяли себѣ

Лицевая сторона.

Обратная сторона.

Медаль, поднесенная Ушакову благодарнымъ населеніемъ остр. Кефалоніи, съ портретомъ адмирала на лицевой сторонѣ и побѣдоносной его эскадрой на обратной.

явное противодѣйствіе и наносили прямое оскорбленіе великому Суворову и русскому флоту. Императоръ Павелъ рѣшилъ, наконецъ, прекратить дальнѣйшее участіе въ союзѣ и приказалъ арміи и флоту возвратиться въ Россію.

Этимъ закончилась кампанія Черноморскаго флота въ 1799 году въ Средиземномъ морѣ.

Ушаковъ собралъ свою эскадру въ Корфу, чтобы приготовить ее къ обратному переходу въ Россію. Ей необходимо было съ достоинствомъ представиться по пути бывшимъ своимъ союзникамъ—туркамъ. Послѣдніе не должны были забывать, что Черноморскій флотъ тотъ же непобѣдимый сильный сосѣдъ, котораго нужно бояться и на будущее время.

Обратный путь эскадры Ушакова сопровождался тѣми же выраженіями признательности населенія, какими встрѣчали ее во время побѣдоноснаго шествія по побережьямъ Іоническихъ острововъ и Италіи. Депутаціи отъ всѣхъ острововъ являлись къ Ушакову съ выраженіемъ благодарности отъ населенія.

Въ честь Ушакова островъ Кефалонія выбилъ медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ адмирала и надписью: «Знаменитый почитаемый Федоръ Ушаковъ,главный русскій флотоводецъ. 1800 г.»; съ другой—изображеніе русской эскадры, освобождающей острова, и надпись: «Кефалонія всѣхъ Іонійскихъ острововъ спасителю».

Отъ острова Итака, родины греческаго героя Одиссея, поднесли медаль съ изображеніемъ Ушакова въ видѣ знаменитаго соотечественника; отъ Корфу шпага

Медаль, поднесённая Ушакову отъ остр. Итака, съ изображеніемъ адмирала въ видѣ греческаго героя Одиссея.

съ надписью: «Корфу освободителю своему Ушакову»; отъ Занте серебряный, позолоченный щитъ съ изображеніемъ семи Іоническихъ острововъ.

По прибытіи въ Константинополь 10-го сентября 1800 г. флотъ и адмиралъ Ушаковъ были встрѣчены съ прежнимъ почетомъ и выраженіями благосклонности сул-

Старый Константинополь.

тана. Въ первые же дни къ Ушакову явились съ поздравленіями, по случаю благополучнаго прибытія, представители султана и послы иностранныхъ державъ, находившіеся въ Константинополѣ. Въ знакъ своего особаго благоволенія султанъ подарилъ Ушакову еще челенгъ—перо, украшенное алмазами, и шесть мѣдныхъ турецкихъ пушекъ.

Съ непоколебленной славой Черноморскій флотъ вернулся въ Севастополь, показавъ, что онъ способенъ быть страшнымъ не для однихъ только турокъ, своихъ ближайшихъ сосѣдей.

Оцѣнивая подвиги русскихъ моряковъ Черноморскаго флота въ 1799 году, упомянутый уже въ началѣ генералъ-фельдмаршалъ Д. А. Милютинъ пишетъ: «Въ продолженіе всего этого похода, эскадра имѣла убыли только 400 человѣкъ. Съ такой малою потерею, русскій флотъ совершилъ въ Средиземномъ морѣ много славныхъ подвиговъ: Іоническіе острова освобождены отъ французовъ и получили независимое правленіе; въ Неаполѣ возстановлена власть королевская; въ Римѣ водворено спокойствіе. Въ Италіи, Греціи, на берегахъ Іоническаго и Адріатическаго морей, вездѣ гремѣло русское имя, вездѣ наши моряки являлись безкорыстными избавителями отъ иноземнаго ига, искренними поборниками вѣры и законной власти; вездѣ умѣли они своимъ кроткимъ обхожденіемъ и дисциплиною привлечь къ себѣ сердца народа. Офицеры русскаго флота могутъ гордиться кампаніей 1799 года, не только на своей стихіи, но и въ дѣйствіяхъ сухопутныхъ оказали они отличную храбрость, распорядительность, знаніе дѣла, и вездѣ исполняли честно свой долгъ. Самъ Ушаковъ пріобрѣлъ себѣ прочную славу; во всѣхъ распоряженіяхъ его видны благоразуміе опытнаго моряка и чувства человѣка, истинно русскаго».

Такова оцѣнка дѣйствій нашего флота въ 1799 году безпристрастнымъ историкомъ, выдающимся впослѣдствіи военнымъ министромъ и преобразователемъ нашей арміи.

Его ученое изслѣдованіе и авторитетное слово, сказанное чрезъ 50 слишкомъ лѣтъ («Исторія войны 1799 года» написана въ 1853 г.), выставили на видъ въ назиданіе потомству славную страницу изъ исторіи Черноморскаго флота, которая предъ лицомъ всей Европы была такъ блестяще написана побѣдами нашихъ моряковъ въ Средиземномъ морѣ. Сдѣланное ими дѣло не равнялось по своему блеску подвигамъ Суворова, но и они вплели нѣсколько вѣтвей лавра въ побѣдный вѣнокъ, заслуженный Россіей отъ Европы въ 1799 году.

Маякъ временъ Ушакова на остр. Кефалонія.